

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обсуждение книг по античной науке и философии

А. О. МАКОВЕЛЬСКИЙ, *засл. деятель науки, проф. Древнегреческие атомисты*. Издательство Академии Наук Азербайджанской ССР, Баку, 1946, стр. 401, тир. 5 000, ц. 35 руб.

I

Обширное исследование проф. А. О. Маковельского ставит перед собой задачу восстановить исторически подлинный образ великого материалиста древности, одновременно философа и ученого, энциклопедически охватившего все основные отрасли знания своего времени. Автор справедливо подчеркивает, что старые и новейшие работы о древнегреческой атомистике полны вопиющих искажений исторической действительности. Левкипп вовсе вычеркивается из истории атомистики, как реальный предтеча Демокрита, последний превращается в предшественника Платона, принижается значение философии Эпикура, вся школа Демокрита квалифицируется как ветвь софистики и т. д. Отмечая, что уже Маркс, Энгельс и Ленин выступали против подобного рода (восходящих к Гегелю) извращений, автор, руководствуясь указаниями основоположников марксизма-ленинизма, старается показать Демокрита как определенную фигуру в истории развития античной атомистики. В соответствии с этой задачей исследование распадается на три основные части: а) Левкипп (гл. I), б) Демокрит (гл. II), в) Демокрит, его современники, школа Демокрита (гл. III и IV). В качестве обширного приложения дан полный перевод всех фрагментов биографического и доксографического характера о древнегреческих атомистах (часть вторая, стр. 199—387). Задача, поставленная автором, является весьма трудной. Литературное наследие античной атомистики очень скудно, биографические и доксографические материалы недостоверны и разноречивы. Это обстоятельство дает возможность исказить историю древнегреческой атомистики, и, как выражается автор, на самые разнообразные лады—платонизировать, кантанизировать, гегельянизировать, махизировать и т. п. Демокрита, превращать его в предтечу Мальбранша, спиритуализировать в духе кембриджских платоников XVII ст. и т. п. Вот почему метод простого анализа текстов не только недостаточен, но может привести к серьезным ошибкам, как это хорошо видно на примере последнего сочинения проф. С. Я. Лурье по истории античной науки. Помимо текстологических критериев, необходимо мобилизовать ряд критериев объективного порядка из областей экономики, политики, техники, науки и общей культуры. Только совокупность всех критериев, правильно использованных методологически, может привести к верной картине исторической действительности, предохранить от односторонностей и извращений.

Можно ли считать, что автор рассматриваемого труда справился с поставленной задачей? В основном—да, хотя в частностях недостаточно, последнее относится к использованию автором данных по истории развития античной техники и науки.

А. О. Маковельский неоднократно подчеркивает большое значение подобного рода критериев, но на деле использует их в недостаточной мере. Это в ряде мест придает изложению автора несколько догматический характер. Автор, решив часть задачи, как бы предоставляет другим исследователям заняться остальными, что нельзя не признать вполне законным, принимая во внимание сложность и трудность задачи. И это тем более так, что сама история древней науки и техники пока что разработана еще недостаточным образом. Обратимся к подробностям.

В главе о Левкиппе автор прежде всего защищает реальное существование Левкиппа, как предтечи Демокрита. Из разнообразных приводимых им аргументов отметим объективный критерий, относящийся к космогонии. Автор справедливо указывает (стр. 37 и 97), что «более примитивный характер космологии Левкиппа, по сравнению с космологией Демокрита, служит доказательством исторической реальности Левкиппа». Аналогичное значение могла бы иметь еще ссылка на то, что Демокрит «один из первых стал применять научный эксперимент», если бы автор эту тему развил подробнее на конкретном материале. Из отдельных высказываний автора в рассматриваемой главе важной и правильной является характеристика атомистики Левкиппа как синтеза ионийской натурфилософии, элеатизма и пифагорейзма (стр. 22), последнего в его ранней материалистической форме, отождествившей единицы (монады) с мельчайшими телами (стр. 21).

Весьма важным и правильным является также указание автора (стр. 22 и 28) что первоначально у атомистов термины «*ф о р м а*» и «*и д е я*» означали не что иное, как пространственный «*в и д*» или «*ф и г у р у*» атомов. В дальнейшем, у Платона и Аристотеля, эти термины приобрели идеалистический смысл и обусловили известное искажение атомистики Левкиппа—Демокрита, сближение ее с теорией идей Платона.

С характеристикой автора атомистики Левкиппа—Демокрита как «*п л ю р а л и с т и ч е с к о г о* и «*м е х а н и с т и ч е с к о г о* *м и р о в о з з р е н и я*», противоположного «стихийно диалектическому мировоззрению первых философских школ древней Греции» (стр. 22 и сл.), едва ли можно полностью согласиться. Прежде всего является весьма странным, что в эпоху расцвета Греции господствовала философия первого рода, а до того—вторая. Говоря о «социальных корнях философии Левкиппа», автор выставляет следующее неправильное положение: «развитие денежного хозяйства, торговли и промышленности является той первопричиной, которая порождает атомистическую философию с ее индивидуализмом, трезвой рассудочностью и интересом к конкретному опыту и чувственной практике» (стр. 41). Сознвая, что этот тезис может вызвать серьезные сомнения, автор вспоминает «суздальскую дубоватость» Шулятикова и критику шулятиковщины Г. В. Плехановым (стр. 42). Тем не менее указанный тезис методологически используется автором при рассмотрении ряда проблем из истории древней атомистики, что приводит его к ошибочным и противоречивым суждениям. Так, автор, с одной стороны, утверждает, что по учению Левкиппа и Демокрита «атомы все абсолютно однородны и бескачественны» (стр. 28), а с другой, характеризует атомистику как «философию индивидуализма» (стр. 41 и др.). Спрашивается, что может означать понятие «индивидуума», если все «индивидуумы» абсолютно однородны и бескачественны!

В действительности атомы Левкиппа—Демокрита лишь относительно однородны, т. е. одновременно однородны и индивидуальны, однородны в отношении первичного вещества, индивидуальны в отношении величины, фигуры, характера движения, тяжести, вплоть до знаменитого индивидуального отклонения или движения атомов Эпикура. Большой философской заслугой Левкиппа—Демокрита является то, что они впервые подвергли критике тривиальное понятие качества и показали, что это понятие является *в т о р и ч н ы м* и сложным, а не *п е р в и ч н ы м* и простым; что, например, цвета, тона, запахи, вкусовые ощущения и пр.—это результаты сложного взаимодействия человеческого тела с объективно существующими материальными телами. В этом именно смысле Левкипп и Демокрит отличают вторичные качества от первичных.

Последнее замечание касается концепции тяжести у Левкиппа, Демокрита и Эпи-

кура. Автор правильно устанавливает, что у Левкиппа и Демокрита тяжесть была свойством вторичным, обусловленным вихревым движением, у Эпикура же—первичным, как «отвесное падение сверху вниз» (стр. 30—35). Формулировки автора требуют, однако, исправления и уточнения, иначе они могут породить недоразумения. Прежде всего неприемлема следующая формулировка аргумента против понятия тяжести, приписываемая автором Левкиппу и Демокриту: «ибо атом по самому своему понятию есть нечто, вполне замкнутое в себе, чуждое всего остального».

Эта формулировка модернизирует Левкиппа и Демокрита в духе Ньютона, ибо ее подоплекой является ньютоново представление о тяжести как «всемирном притяжении» частиц материи. Такого понятия о тяжести не было не только ни у кого из древних, но даже у Коперника и Гассенди. О нем начали смутно догадываться сначала Галилей и Кеплер, в более ясной форме Гюйгенс и Гук—предтечи Ньютона. Когда Эпикур говорит о «тяжести» атомов, то он, как справедливо указывает Дидро, разумет под этим инерционное движение по определенному космическому направлению (вверх—низ).

Демокрит и Левкипп, отрицая «тяжесть», отрицали существование такого космического направления, будь то в смысле Эпикура или же в смысле Аристотеля, рассматривавшего центр Земли как космический центр, куда «по своей природе» «устремляется» «тяжелый» «элемент земли», а за ним последовательно располагаются остальные элементы, из которых огонь обладает уже абсолютной легкостью. Левкипп и Демокрит считали такого рода «устремление» и «расположение стихий» естественным результатом вихревого движения, свойства которого они выводили из наблюдений над водоворотами и из опытов с воздушным насосом и т. п.¹

Сформулированные в первой главе основные положения автор применяет во второй обширной главе, посвященной Демокриту. Демокрит характеризуется всесторонне как «пептатл» (пятиборец), т. е. как человек, прославившийся победами в пяти главных областях науки—математике, физике, технике, филологии и этике—как «первый энциклопедический ум среди греков» (Маркс).

Рассматривая генезис атомистики Демокрита, автор слишком непосредственно сближает философию и физику с экономикой и политикой. Философия Демокрита якобы отражает развитие индивидуалистических тенденций в экономике и общественной жизни древней Греции (стр. 48). По мнению автора, «правильным является вывести атомистическую политическую теорию и механистическую физику из одной общей основы—из характера социально-экономических отношений эпохи» (стр. 125).

Несостоятельность этой точки зрения может быть показана на простом примере. Высшим выражением индивидуализма, как это понятно, является доктрина о бессмертии души. А между тем эту доктрину опровергал «идеолог торгово-промышленных кругов рабовладельческого общества» Демокрит и защищал рабовладелец-аристократ Платон и все христианские философы феодального средневековья. Стремление автора быть прямолинейным и последовательным в генерировании взглядов Демокрита, исходя из индивидуалистического общественного базиса, приводит его к серьезным ошибкам. Одной из таких ошибок является характеристика демокритовского учения о пространстве и времени (стр. 91—93). Оказывается, что Демокрит якобы трактовал понятия пространства и времени «индивидуалистически» или «атомистически». Не только атомы образуют прерывность, как разделенные пространственной протяженностью, но и само пространство состоит из «протяженных единиц», разделенных... Чем? Этого автор не говорит, ибо сказать невозможно, по крайней мере с материалистической точки зрения. Автор не замечает, что он в своей характеристике сближает взгляды Демокрита с известным учением поздних пифагорейцев о непротяженных математических точках как истинных единицах или атомах сущего.

¹ О чем, например, пишет перипатетик Стратон, пытавшийся объединить Аристотеля с Демокритом при помощи отрицания «великих пустот» и признания «малых».

Точно так же автор не замечает, что указанная концепция путает и делает противоречивыми его в общем и целом совершенно правильные характеристики теории познания и научного метода Демокрита. Автор ополчается на различие Демокритом вторичных и первичных качеств. Но это различие, в указанном выше смысле, является совершенно правильным и составляет суть материализма Демокрита.

Автор говорит, что «первая особенность научного метода Демокрита заключается в требовании исходить из единичного». Но разве понятие атома—это понятие единичного? Утверждать это—все равно, что утверждать, что понятие товара, с которого Маркс начинает политическую экономию капиталистического общества, является понятием единичного. Как раз наоборот: понятие товара—категории всеобщего, от которой нисходят к особым и единичным конкретным товарам. Аналогично этому, суть философии Демокрита в том, чтобы от всеобщего понятия атомайти к объяснению единичных и особых конкретных вещей и процессов.

Атомистика Демокрита является ограниченной, но не во всех тех смыслах, которые подчеркивает автор. Будучи продуктом определенной эпохи, атомистика Демокрита является порождением очень сложного комплекса факторов, характерных для эпохи,—степенью развития общественной жизни, экономики и политики, науки и техники, философии и искусства, общей духовной и материальной культуры.

В эпоху Демокрита из всех научных отраслей были более или менее развиты,—в абсолютном смысле весьма, однако, слабо,—математика, астрономия и механика; физика и химия в качестве наук не существовали; еще в меньшей степени—биология и научная психология, а о политической экономии и научной истории и говорить не приходится. Отсюда примитивный метафизический характер демокритовского представления об атоме, понимание взаимодействия как механического толчка и удара, механистический характер психологии, экономический и политический примитивный атомизм и т. д.

Понимая эту ограниченность философии Демокрита, следует тем более удивляться гениальности философа, сумевшего на столь убогой базе возвыситься до грандиозной теоретической концепции, блестяще оправданной всей последующей двухтысячелетней историей науки и техники. Вот почему «Общие замечания о философии Демокрита» А. О. Маковельского (стр. 171) требуют некоторых исправлений и уточнений. Автор проделал большую положительную работу для реставрации подлинного Демокрита, но эта работа несколько портится тенденцией автора слишком упрощенно трактовать связь между философией Демокрита и политико-экономическими условиями его времени.

Третья и четвертая главы рассматривают современников Демокрита и его школу.

Параграф «Демокрит и пифагорейцы» (стр. 126 и сл.) очень хорошо характеризует различие между материалистической концепцией атома у Демокрита и позднепифагорейским пониманием атома как непротяженной математической точки.

В параграфе «Демокрит и Платон» (стр. 179—191) возражение вызывает слишком прямое противопоставление Демокрита Платону (стр. 191). Например, Платон исходил из реальности общего (идеалистический реализм); Демокрит же—из реальности единичного (философский номинализм, по терминологии автора). В действительности суть различия между Демокритом и Платоном заключается в различном понимании всеобщего. Всеобщее Платона—это идея идей, т. е. бог, генерирующий мир из абсолютной пустоты через посредство метафизических треугольников и правильных многогранников. Всеобщее Демокрита—это бесконечное разнообразие материальных атомов, обладающих величиной, фигурой, движением, сочетание и взаимодействие которых образуют конкретные вещи и материальные процессы.

Глава «Школа Демокрита» (стр. 192—199) весьма кратка и имеет в виду собственно непосредственных преемников Демокрита в Абдерах. Методологически было бы более правильным, если бы автор уделил некоторое место характеристике школы Демокрита в более широком смысле слова, остановившись хотя бы на Эпикуре и Лукреции Каре.

Можно было бы сделать еще ряд замечаний о различных разделах исследования А. О. Маковельского, например, по вопросу о биологических, социологических, этических и других взглядах Демокрита. Но мы ограничимся сказанным, касающимся самого существенного и спорного.

В заключение несколько слов об обширном приложении—«Источники. Перевод фрагментов биографического и доксографического материала». Независимо от суждения насчет правильности перевода отдельных фрагментов, это приложение должно быть признано весьма ценным. Впервые советский читатель получает в руки богатый материал, расположенный притом в систематическом порядке многочисленных тем, могущий послужить основой для изучения истории древней атомистики.

Ограничиться только этим материалом было бы большой ошибкой, в которую впадают сторонники текстологического и филологического метода. Указанный материал является отправным пунктом, и дальнейшее движение возможно лишь исходя от него.

Проф. З. А. Цейтлин

II

Вторая часть большой работы профессора Маковельского включает в себе перевод античных свидетельств о древних атомистах и перевод фрагментов сочинений Левкиппа, Демокрита, Несса, Метродора Хиосского, Диогена из Смирны, Анаксарха, Гекатея из Абдер, Аполлодора, Навсифана, Диотима и Биона из Абдер. Как указывает автор (стр. 198), в это издание «введен новый материал, пересмотрен и уточнен ранее опубликованный перевод в связи с принятием нового чтения отдельных греческих текстов, и, наконец, в части, посвященной Демокриту, автор по-новому систематизировал материал».

Таким образом, благодаря новому труду известного нашего ученого мы имеем возможность пользоваться в русском переводе наиболее полным из существующих у нас сводом античных данных о греческих атомистах до Эпикура.

А. О. Маковельский указывает, что перевод свидетельств и фрагментов сделан им по изданию Дильса и дополнен «другими текстами, вносящими, по мнению автора, существенные добавления и пояснения» в изучение древнегреческой атомистики.

Материал подлинных свидетельств и фрагментов систематизирован удобно и хорошо, а благодаря подробному оглавлению в конце книги легко найти нужные тексты. Но весьма существенным недостатком работы А. О. Маковельского является отсутствие указателя, по которому читатель мог бы найти соответствующий тому или иному переведенному фрагменту греческий текст: ссылки на источники, данные при каждом фрагменте, отнюдь не достаточны, так как подлинные сочинения, из которых взят греческий текст для перевода, в ряде случаев имеются лишь в немногих библиотеках; так, например, сочинения Ипполита, Гемина, Порфирия, Эротiana, собрание оксиринхских папирусов и др. совершенно недоступны не только рядовому читателю, но и многим специалистам. Сам автор указывает на то, что он в основном использовал свод фрагментов Дильса; так почему же он не счел необходимым указать рядом со своей нумерацией отрывков нумерацию этого свода? В отношении Левкиппа дело обстоит более или менее благополучно, так как нумерация Маковельского почти не отличается от нумерации Дильса, но в отношении Демокрита дело совсем плохо: найти соответствующий переводу Маковельского текст у Дильса чрезвычайно трудно и хлопотливо. Избегать этого было очень легко: надо было дать сводную параллельную нумерацию настоящего издания и нумерацию по Дильсу. Сделать это было необходимо и потому, что сам автор несомненно не всегда проверял тексты Дильса. Не помещая в своем издании подлинных текстов, автор должен был создать наиболее удобные условия для проверки своей интерпретации, которая в ряде случаев далеко не безукоризненна, а в других, по меньшей мере, спорна. Приведем несколько примеров.